

Вагиф Гусейнов

О некоторых тенденциях в развитии общевропейской безопасности и сотрудничества

I

События последних месяцев 2001 года, начало которым положили беспрецедентные по своей жестокости и масштабу террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне, со всей убедительностью показали, что в глобальной политике назрели глубокие перемены. И прежде всего трагические события 11 сентября дали сильнейший импульс для пересмотра важнейших мировоззренческих понятий в области коллективной и национальной безопасности. Они сыграли и свою консолидирующую роль в объединении усилий мирового сообщества в противодействии новым угрозам. Мировое сообщество прочувствовало, что мир, в котором мы живем, хрупок, и начало понимать, что с общей опасностью необходимо бороться сообща.

Настоятельная необходимость кардинальных перемен во внешней политике государств, их двусторонних отношениях и особенно в области безопасности с особой остротой проявилась в Европе. Как представляется, большинство ответственных и трезвомыслящих политиков континента, как и общественное мнение европейских народов, постепенно осознают всю серьезность проблем, которые предстоит решать перед лицом новых угроз со стороны общего противника, каковым является сегодня международный терроризм.

Такой вывод обосновывается, на мой взгляд, целым рядом причин.

Во-первых, Европа (в широком смысле этого слова, то есть пространство, охватывающее территории всех европейских и центральноазиатских государств – членов Организации по

безопасности и сотрудничеству в Европе) находится в непосредственной близости от основных центров международного терроризма. Более того, очаги конфликтов различной интенсивности, в которых активно действуют международные террористические организации, уже не один год существуют внутри этого общеевропейского пространства. Это – Балканы, Кавказ, Центральная Азия. За десятилетие, прошедшее со времени завершения периода холодной войны и начала серьезных геополитических перемен в мире в целом и на Европейском континенте в частности, кардинальных изменений к лучшему в общеевропейской «конфликтогенной карте» не достигнуто, хотя к этому прилагались большие усилия как по линии ООН и общеевропейских организаций (ОБСЕ), Евросоюза, НАТО и других организаций), так и со стороны ведущих государств континента.

Во-вторых, «старая», Западная Европа, безусловно, заинтересована в сохранении и упрочении мира и стабильности на всем обширном общеевропейском пространстве, в том числе и в новых независимых государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, которые связаны с нею тесными торгово-экономическими отношениями. В экономику этих государств вложены значительные средства западных инвесторов. К тому же благополучие и промышленное развитие самой Западной Европы в значительной степени зависит от поставок энерго- и сырьевых ресурсов из восточной части региона и прилегающих к нему районов.

В-третьих, если не принять своевременных и эффективных коллективных мер, Европа может обзавестись на длительную перспективу собственным «поясом нестабильности», протянувшимся от Балкан до границ с Китаем. Контуры такого пояса уже начали обозначаться. Этот «пояс нестабильности» одновременно станет огромной «черной дырой», которая будет поглощать огромные средства и требовать от благополучных государств Европы привлечения значительных сил, причем без особой надежды на успех.

В-четвертых, нельзя не учитывать и т. н. исламского фактора. В силу разного рода причин основные районы нестабильности приходятся как раз на исламские государства, граничащие с «расширенной» Европой. Довольно многочисленны мусульманские общины во многих, прежде всего наиболее развитых, странах Европы. Они не только оказывают значительное влияние на социальный климат в стране проживания,

но и играют заметную роль в экономике многих европейских стран (в той же Германии, например).

Россия, которая раньше других напрямую столкнулась с проявлениями международного терроризма в современном его виде, пережила целый ряд бессмысленных и жестоких террористических актов, в том числе в невиданных ранее масштабах, с захватом городов и целых районов соседних с очагами конфликтов субъектов Российской Федерации, больниц и родильных домов, массовыми подрывами многоквартирных жилых домов. Это были даже не теракты, а своего рода террористические операции, хорошо спланированные и подготовленные.

Таким образом, возникает необходимость в определении новых подходов к обеспечению безопасности на пространстве «расширенной» Европы, или, по крайней мере, в существенной корректировке нынешних подходов к общеевропейской безопасности с учетом новых геополитических, геоэкономических и геостратегических условий, новых угроз и вызовов безопасности XXI века.

Сравнительный анализ общеевропейских, блоковых (НАТО) и национальных документов в части определения ими таких новых угроз миру и стабильности показывает близость подходов к их оценке как в общерегиональном, так и в национальном масштабах. В частности, Североатлантический альянс привел перечень беспокоящих его угроз в своей новой Стратегической концепции, принятой на саммите альянса в Вашингтоне в 1999 году. Применительно к России перечень таких угроз определен в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, Концепции внешней политики, Военной доктрине, утвержденных президентом России В. Путиным в 2000 году, и ряде других документов.

Угрозу для общеконтинентальной стабильности и прогресса в Европе, как и во многих других важных регионах мира, представляют, по преобладающему мнению, этнические конфликты и действия организаций, попирающих международные правовые нормы и общепринятые в человеческом обществе нормы морали, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и других видов оружия, наркобизнес и иные проявления международной преступности.

Но этим перечнем, к сожалению, проблема не ограничивается. К угрозам нового времени, непосредственно связанным с конфликтами и террором, можно отнести также вызываемый ими экологический ущерб, возникновение массовых

инфекционных заболеваний, угрожающий рост преступности, неконтролируемая миграция беженцев и др.

Все эти угрозы существуют на фоне таких нарастающих общемировых проблем, как истощение запасов природных ресурсов, резкий рост народонаселения при одновременном снижении природных и воспроизводимых ресурсов для обеспечения его сносного существования и целый ряд других. Так, например, все острее встает такая проблема, как нехватка продуктов питания или доброкачественной питьевой воды (хотя для Европы эти проблемы пока, может быть, менее острые по сравнению с другими континентами).

Но, безусловно, главной угрозой глобального характера является сегодня международный терроризм.

II

То глобальное явление, которое мы называем международным терроризмом, в сущности, далеко вышло за рамки собственно терроризма. Его резко возросшая в последние годы активность, обозначившиеся характерные черты, расширяющаяся география проявлений дают все основания говорить о принципиально новом характере этой угрозы. Она несет опасность не только отдельным регионам или странам, но и всему мировому сообществу. Возможно, не так уж далеки от истины те, кто рассуждает о возможном начале третьей мировой войны, войны нового типа – террористической.

Прежде всего, современный терроризм представляют уже не разрозненные организационно и идеологически и сравнительно небольшие группы, не малочисленные организации, решающие разноплановые частные задачи. Это – мощная сила, о которой нельзя говорить как о стихийной и неорганизованной, причем ее организованность и идеологическая спаянность год от года растут. Это сила, которая способна планировать, организовывать и осуществлять не просто теракты, а крупномасштабные террористические операции, держать в страхе целые народы и государства, не только наносить многомиллиардный ущерб отдельным странам, но и дестабилизировать мировую экономику и социальную среду в целом, разрушать информационное пространство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это сила, которая способна вести новый тип войны – террористическую войну. К такой войне, средствам и способам

ее ведения мировое сообщество, системы безопасности и силовые структуры государств, включая многомиллионные и вооруженные самым современным оружием армии, не подготовлено.

Важной особенностью современного международного терроризма является то, что он несет в себе консолидированную угрозу, совмещающую в себе многие из тех угроз, о которых говорилось выше. Помимо подрыва мира и стабильности в отдельных районах, совершения громких терактов типа массового захвата заложников, подрывов пассажирских самолетов, судов, жилых домов и т. д., он охватывает наркобизнес, незаконную торговлю и распространение различных видов оружия – не только легкого стрелкового, но и тяжелых вооружений, и ОМУ, работорговлю, незаконную иммиграцию, изготовление в массовых масштабах фальшивой валюты, легких вооружений и др. Это уже даже не терроризм в традиционном понимании. Для этой опасности необходим некий иной, обобщенный термин, который еще предстоит выработать.

Борьба с международным терроризмом уже никак не укладывается в рамки простых полицейских мер или операций, а требует проведения крупномасштабных, тщательно подготовленных антитеррористических операций (даже кампаний) особого вида, с привлечением не только спецслужб, но и вооруженных сил, и к тому же имеющих, как правило, международный характер. Причина того, что Россия увязла в Чечне, не в последнюю очередь заключается в том, что в одиночку ей не удастся блокировать связи бандитских группировок, действующих в Чечне, с международными террористическими центрами и базами снабжения, перекрыть каналы подпитки боевиков деньгами, наемниками, оружием, нейтрализовать зарубежные центры финансирования, подготовки, отдыха и лечения боевиков, которые, по данным российских спецслужб, были организованы в целом ряде стран, в том числе в Афганистане и Пакистане, и даже в европейских странах. Наоборот, операция, проводимая США в Афганистане, продвигается достаточно успешно именно потому, что она носит международный характер, ее поддерживают большинство стран, включая и страны исламского мира (по крайней мере, на официальном уровне).

Но вместе с тем, на наш взгляд, большим препятствием на пути международного сотрудничества по борьбе с

современным терроризмом является расплывчатость и неясность правовых определений этого явления. Следует согласиться с известным политологом З. Бжезинским, который утверждает, что т. н. антитеррористическая «коалиция» (г-н Бжезинский берет это слово в кавычки) даже не имеет согласованного определения угрозы: «Для индийцев это мусульмане в Кашмире, для россиян это чеченцы, а для израильтян это палестинцы, тогда как для арабов – израильтяне». В СНГ можно сослаться на президента Грузии Э. Шеварднадзе, который, используя складывающуюся конъюнктуру, попытался причислить к международным террористам абхазцев и в то же время выступил в защиту Гелаева – одного из организаторов и участников терактов на территории России, против которого российскими правоохранительными органами выдвинуто обвинение именно по этим статьям.

Поэтому *первое*, что нужно сделать для того, чтобы успешно бороться с этим грозным явлением общими силами, – это сообща, с учетом новых обстоятельств и условий, под непосредственным руководством ООН и ее Совета Безопасности выработать общепризнанное и закрепленное в международном праве четкое определение тому явлению, которое сегодня называется международным терроризмом. Объединенная Европа в этом отношении может и должна сказать веское слово.

Второе – без предвзятости уяснить истоки этого грозного явления. Ясно, что массированными авиаударами, двух- и даже семитонными бомбами объемного взрыва, которые начала применять авиация США в Афганистане, проблему международного терроризма не решишь. Не решишь ее и устранением Усамы бен Ладена. Неиссякаемой питательной средой для терроризма служат многомиллионные массы голодающих, не имеющих работы, настоящего крова людей, которым недоступны ни современное медицинское обслуживание, ни образование, ни даже минимальная социальная защита. Углубляющаяся пропасть между этими массами людей и благополучным миром – это то взрывчатое вещество, которое не только будет постоянно использоваться определенными силами в собственных целях – идеологических, политических, религиозных или в целях обычной наживы, но и которое способно взорвать мир.

Третье. Очень важно в борьбе с современным терроризмом учитывать исламский фактор. Ислам – самая молодая и наименее расколота по каким-то теологическим постулатам рели-

гия. Приверженцы ислама – наиболее сплоченные общинной и религиозной идеологией и моралью люди. Исламские государства, если не считать стран Персидского залива и немногих других, – едва ли не самые бедные страны мира. Все это создает объективные предпосылки для того, чтобы силы, использующие в своих целях террористические методы, основную ставку сделали на приверженцев именно этой конфессии.

Мировое сообщество, в том числе и те страны, которые присоединились к антитеррористической коалиции, возглавляемой США, понимают всю опасность такого поворота событий, когда нынешняя кампания перерастет в войну между исламским и христианским миром. Для многоконфессиональной России здесь существует двойная опасность. Да и многие страны Объединенной Европы, в которых мусульманская прослойка составляет сегодня значительную часть населения, будут поставлены перед серьезными внутренними проблемами.

Но одно понимание отнюдь не уменьшает этой угрозы. Поэтому важно, в том числе в проводимой в Афганистане антитеррористической операции, не перешагнуть ту грань, за которой большинство исламского мира перейдет, как говорится, на другую сторону баррикады. А к этому может привести эскалация военных действий в регионе, тем более распространение их на другие исламские страны по единоличному решению США.

Чтобы избежать такого опасного поворота событий, целесообразен, во-первых, перевод ведущейся и других возможных антитеррористических кампаний под эгиду ООН и, во-вторых, необходимо ясное понимание того, что одними ракетно-бомбовыми ударами или даже «хирургическими» действиями спецподразделений проблему не решишь. Помимо военных действий, помимо лишения террористов финансовой и материальной базы, нужны иные, мирные акции, прежде всего направленные на то, чтобы устранить или хотя бы значительно ослабить социальные болезни, которыми исламское сообщество поражено в большей степени по сравнению с другими.

К тому же – кто может поручиться, что завтра этот или какой-то будущий конфликт не перерастет в ядерный? Причем не важно, кто первый применит это оружие – террористические организации или Соединенные Штаты,

пытаясь добраться до главного гнезда террористов или, например, чтобы предотвратить угрозу применения террористами химического или биологического оружия. Что далеко ходить – неизвестно, во что может вылиться нарастающая напряженность между двумя ядерными державами – Индией и Пакистаном. Последствия в любом случае будут ужасными для всего мирового сообщества.

И еще одно замечание. Представляется неоправданным и недальновидным довольно распространенное в последнее время противопоставление т. н. «цивилизованного мира» даже не кучке международных террористов, а фактически той многомиллионной части человечества, которая имеет иную, не европейскую и не американскую ментальность и уровень жизни, социальная защищенность которой намного ниже, попросту несопоставима с существующей в странах т. н. «золотого миллиарда». Это – опасный путь. Тот же Афганистан, Иран, Ирак и другие – это страны, населенные народами с древнейшей историей и культурой, со своими многовековыми обычаями, своей человеческой и общественной моралью и т. д. Вполне можно себе представить, что искусственное обособление их – пусть даже невольное – от остального мира не только наносит этим людям обиду, но как бы противопоставляет их части человечества с высоким уровнем жизни и инициирует протестные и консолидирующие моменты.

III

Значительная общность угроз в оценках Евросоюза, ОБСЕ, Североатлантического альянса и России закладывает хорошую основу для плодотворного сотрудничества по созданию общеевропейской системы безопасности, эффективно функционирующей в новых геополитических условиях и способной надежно нейтрализовать как агрессивные разрушительные планы международных террористов, так и большинство современных угроз и вызовов нового времени или, во всяком случае, значительно уменьшить их негативные последствия.

Для Объединенной Европы, которая пытается создавать собственную систему обеспечения безопасности, крайне важно правильно определить главные принципы ее построения, наиболее опасные вызовы и угрозы общеевропейской безопасности, направленность основных усилий создаваемых структур безопасности. В частности, установить

четкие критерии в оценке террористических проявлений и конфликтов, развязанных силами, контактирующими с международными террористическими организациями, а иногда и направляемыми ими. Зачастую приходится сталкиваться с рудиментами холодной войны в мышлении, рассуждениях и действиях западных представителей, которые продолжают подспудно или даже вполне осознанно считать, что главная потенциальная угроза для Европы исходит с Востока (в частности – из России), и большинство вызовов нового времени связывают с восточным направлением.

Во многом это происходит потому, что в Европе не успевают осмыслить те глубокие изменения в политике, экономике, идеологии, которые происходят или уже произошли в России. Отсюда – зачастую неверно принимаемые решения.

Возникает, например, вопрос: на что нацелены обладающие огромным наступательным потенциалом вооруженные силы Североатлантического альянса, который многими на Западе рассматривается как основа системы безопасности не только европейской, но и глобальной? Смогут ли они обеспечить эффективную защиту от новых угроз и вызовов, которые уже довольно четко обозначились? На этот вопрос пока нельзя ответить положительно. И события осени 2001 года довольно наглядно подтвердили это.

Такой же вопрос правомерен и в отношении создаваемых сегодня Евросоюзом сил быстрого реагирования. Насколько можно судить, самый злободневный вопрос для наших европейских коллег – как будут строиться взаимоотношения этих сил с НАТО, должна ли евроармия полностью подчиняться решениям военного командования НАТО или отношения между ними будут строиться на основе равноправного взаимодействия.

На наш взгляд, это важный, но все же не главный вопрос.

Надо более критично отнестись к ориентации, концепции строительства и, соответственно, организационным и другим конкретным аспектам строительства системы общеевропейской безопасности XXI века (как, кстати, и к безопасности Объединенной Европы) на основе реальной оценки новых угроз, с учетом перспективы их дальнейшего развития. Но для этого в качестве первого шага необходимо отказаться от двойных и тройных стандартов, которыми грешили в том числе и страны Объединенной Европы при оценке тех или иных региональных конфликтов или проявлений терроризма.

Двойной стандарт зачастую применялся Западом в отношении конфликтов на Балканах, в Приднестровье, в Чечне. Москва, как известно, без колебаний поддержала антитеррористическую операцию, проводимую США в Афганистане, – этот жесткий и массированный ответ на террористические акты в США. К сожалению, в ходе этой операции не удалось избежать гибели невинных мирных жителей, разрушений объектов гражданской инфраструктуры. Никто не осудил этого, понимая, что в ходе массированных авиа- и ракетных ударов случайностей не избежать. Несмотря на то что Россия также подверглась исключительно жестоким терактам против мирного населения в Москве и целом ряде других городов, ее антитеррористическая операция в Чечне, предпринятая после этих терактов в 1999 году, зачастую расценивалась Европой по другим, значительно более строгим меркам, в основном с осуждением Кремля.

IV

Для Европы сегодня важно правильно определить роль и место России в общеевропейской системе безопасности в новых геополитических условиях. Собственно, здесь есть два пути.

Первый путь – если не изоляция России, то удержание ее на определенной регулируемой дистанции. Этот путь, по нашему убеждению, не принесет пользы ни той, ни другой стороне.

Так, З. Бжезинский в газете «Вашингтон пост» от 2 ноября 2001 года в статье под красноречивым заголовком *«Новый век солидарности? Не рассчитывайте на это!»* рекомендует Западу, Европе прежде всего, основной упор в своей политике сделать на укрепление, расширение и консолидацию евроатлантического сообщества, то есть НАТО, как основы глобальной стабильности. Что касается России, то основная цель – держать Россию на привязи к Западу, и не более того. Он, в частности, пишет: *«Москва, быть может, руководствуется признанием того факта, что с 300 миллионами враждебных мусульман у нее на юге и 1,3 миллиарда динамично развивающихся китайцев у нее на востоке ей не остается иного будущего, кроме как в структуре Запада. Подобный выбор следует поощрять и приветствовать, но тем временем важно, чтобы продолжалось строительство евроатлантического сообщества с тем, чтобы расширить и консолидировать основу глобальной стабильности. Предстоящий саммит Буш – Путин следует использовать для того, чтобы способствовать*

продвижению к вышеуказанной цели, тем самым делая российский выбор в конечном счете неизбежным».

Второй путь – тесное и взаимовыгодное сотрудничество в сфере безопасности. Надо наконец понять, что совокупность главных угроз, которые несет международный терроризм, касается всех – и Объединенной Европы, и России, и Украины, и республик Кавказа, и др. Проявления международного терроризма имеют место не только в США и Западной Европе, но и в бывшей Югославии, в России и других государствах СНГ.

Россия в сфере обеспечения безопасности обладает немалым потенциалом. Во-первых, она имеет реальный опыт борьбы с терроризмом. Во-вторых, ее силовые структуры более приспособлены для борьбы с этим злом в силу сложившихся обстоятельств, когда Россия оказалась на переднем фронте борьбы с ним.

Нельзя сбрасывать со счетов и возможности других членов Содружества Независимых Государств, в котором Россия играет важную роль. Ведь, если говорить по большому счету, в нынешних условиях Россия и другие страны СНГ при проведении Соединенными Штатами антитеррористической операции в Афганистане принесли больше пользы, чем НАТО с ее огромной военной мощью или Объединенная Европа. Это мнение не только российских, но и серьезных западных аналитиков.

Но, конечно, участие России не может ограничиться только борьбой с международным терроризмом. Она должна и может внести свой вклад и в других сферах безопасности – борьбу с наркобизнесом и международной преступностью, укрепление режима нераспространения ОМУ и других видов оружия, в решение экологических проблем и т. д.

Одной из наиболее плодотворных сфер сотрудничества между Объединенной Европой и Российской Федерацией на современном этапе является экономическая сфера, которая, конечно же, непосредственно влияет и на сферу безопасности.

Среди направлений такого сотрудничества можно выделить:

- Снабжение Европы энергоресурсами. При этом в интересах обеих сторон развитие данной сферы. Для этого прежде всего требуется привлечение западных инвестиций. Конечно, российская сторона должна обеспечить соответствующие гарантии иностранным инвесторам и в целом принять меры

по коренному улучшению инвестиционного климата. В этом отношении в стране уже многое сделано и будет делаться. В этом смысле в рамках российско-европейского диалога было бы крайне важно разъяснять потенциальным инвесторам существо тех позитивных изменений, которые произошли в российском законодательстве, стимулирующем вложение денег в российский ТЭК и в целом в российскую экономику.

- Обмен технологиями, в том числе, например, в аэрокосмической, информационной сфере, других областях.
- Создание совместных финансово-промышленных групп в различных сферах экономической деятельности (ТЭК, авиа- и судостроение и т. п.).
- Расширение и модернизация коммуникаций, связывающих Россию с Европой, а также транзитных трансконтинентальных коммуникаций Европа – Азия, обеспечение их безопасности.
- Совместная борьба с незаконными нелегальными доходами (согласование деятельности институтов и органов финансовой разведки, совместная работа на банковском направлении и т. д.), а также с финансированием международных террористических организаций.

Важной областью сотрудничества является также принятие согласованных мер по защите информационного пространства и по его очистке от нелегального бизнеса (порнография, наркобизнес и т. д.).

V

Говоря о складывающейся в Европе новой политической реальности, нельзя, разумеется, обойти Североатлантический альянс, важную роль которого в системе общеевропейской безопасности нельзя отрицать.

По итогам заседания Совместного постоянного совета (СПС) Россия – НАТО, проводившегося на уровне министров иностранных дел 7 декабря 2001 года, глава российского дипломатического ведомства И. Иванов отметил, что в отношениях между Россией и НАТО наметился крутой поворот. Причем, по его словам, лейтмотивом этих отношений должна стать «совместная ответственность за совместно принимаемые решения». Вместе с тем он отметил, что такие вопросы, как проблема применения статьи 5-й Вашингтонского договора и

проблема обеспечения безопасности России и ее союзников остались пока за рамками дискуссии. В мае 2002 года на Совете НАТО должно быть принято решение о новом формате взаимоотношений альянса с Российской Федерацией – вместо «19+1» переход к формату «20». Что касается конкретных аспектов сотрудничества, то о них должны договориться эксперты обеих сторон.

Надо отметить, что и в общественном мнении России отношение к НАТО несколько улучшилось, несмотря на резко негативное восприятие общественным мнением России войны НАТО в Югославии 1999 года. Так, по данным ВЦИОМ, на конец ноября 2001 года по сравнению с апрелем 1996 года за налаживание сотрудничества с НАТО выступает почти треть граждан (в 1996 г. – 22%). 14% выступают за вступление России в НАТО (в 1996 г. – 5%). Сократилось количество сторонников создания оборонительного союза с бывшими соцстранами и республиками СССР в противовес НАТО (с 16 до 14%). Правда, большинство россиян (28%) считают нежелательным присоединение России к каким бы то ни было военным блокам (23% в 1996 году).

Это взаимное движение навстречу друг другу, ускорившееся после 11 сентября, во многом обусловлено одинаковым пониманием опасности, которую несет для Европы и мира в целом международный терроризм.

Стремление альянса углубить и расширить сотрудничество с Россией можно только приветствовать. Тем более что, надо признать, созданный в 1997 году СПС был достаточно аморфным, в лучшем случае консультативным органом, да и то в основном по второстепенным проблемам. России в этой модели сотрудничества фактически отводилась роль статиста.

Вместе с тем, говоря о перспективах развития отношений России с Североатлантическим альянсом, хотелось бы отметить ряд обстоятельств, создающих те исходные условия, которые должны быть учтены при пересмотре наших подходов к сотрудничеству с НАТО, а некоторые из них положены в основу такого сотрудничества.

Перерождение – в известном смысле – самого блока. Принятие его новой концепции, предусматривающей для блока возможность действовать за его географическими границами, немотивированное расширение блока в восточном направлении, сомнительная по декларируемым целям война в Югославии, миротворческая акция в Македонии, участие в антитер-

рористической коалиции – все эти факты подтверждают, что НАТО XXI века – это во многих отношениях принципиально новый союз по сравнению с НАТО образца времен «холодной войны». Главное его отличие – расширение спектра угроз, на которые он намерен реагировать, – как по сферам возникновения и источникам этих угроз, так и по географии. Причем основные усилия отныне будут прилагаться именно за пределами границ блока. Можно даже без особой ошибки определить наиболее вероятный район действий НАТО-XXI: это территория бывшего СССР и прилегающие к ней южные районы, нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Персидского залива, Средиземноморье. В большинстве своем это регионы, где у России свои немалые интересы, кое в чем совпадающие, а кое в чем пересекающиеся с интересами НАТО или даже вступающие с ними в противоречие. Здесь есть поле для сотрудничества, как, впрочем, и для соперничества. Поэтому в новой модели взаимоотношений Россия – НАТО необходимо предусмотреть соответствующие механизмы решения возникающих спорных вопросов.

Естественно, меняются и «весовые коэффициенты» угроз и вызовов нового времени. Так, вероятность некогда главной угрозы – крупномасштабной войны между Западом и Востоком практически сведена на нет. Вместе с тем возросла вероятность локальных конфликтов местного масштаба. Да и сам вектор военных угроз все больше поворачивается в направлении Север – Юг.

Новая ситуация, складывающаяся в мире после 11 сентября. Не следует, на мой взгляд, чрезмерно переоценивать глубину происходящих изменений в сфере глобальной безопасности и стабильности, как и во взаимоотношениях между государствами (прежде всего между Россией и США, Россией и другими лидерами Запада – членами НАТО), но нельзя и не считаться с ними. В частности, эти теракты показали полную непригодность к новым реалиям систем безопасности, создававшихся в период холодной войны, нацеленных на противоборство двух противоположных систем и, по сути, остававшихся неизменными в «постхолодный» период. С другой стороны, они заставляют по-новому подойти к проблеме сотрудничества с Россией и другими государствами восточной части «расширенной Европы», прежде всего с новыми независимыми государствами, образовавшимися на территории бывшего СССР. Показатель-

но, например, что первая после 11 сентября встреча министров обороны стран НАТО состоялась лишь 17 декабря, в то время как министр обороны США Рамсфелд и другие должностные лица военного ведомства США в связи с проведением антитеррористической операции в Афганистане неоднократно встречались со своими коллегами из России и других стран СНГ.

Возрастание роли России в борьбе мирового и европейского сообщества с новыми угрозами, во всяком случае – с большинством из них, прежде всего с таким грозным явлением, как международный терроризм. По признанию многих, в проведении антитеррористической операции в Афганистане помощь и возможности России оказались ценнее, чем вся совокупная немереная военная, политическая и экономическая мощь НАТО. К тому же Россия и центральноазиатские страны СНГ находятся на переднем крае борьбы с международным терроризмом и связанными с ним проявлениями международной преступности – наркобизнесом, торговлей оружием, незаконной иммиграцией и т. д., образуя своего рода заслон на пути их распространения в Европу.

Наконец, надо считаться и с тем, что руководство России в лице ее президента В. Путина уже не только четко обозначило курс на сотрудничество с НАТО (которому действительно в нынешних условиях альтернативы нет), но и *выразило решимость к самым глубоким и разнообразным формам такого сотрудничества*. «Хочу особо подчеркнуть, что мы намерены идти настолько далеко, насколько к этому будет готов сам Североатлантический альянс и насколько он будет учитывать национальные интересы России», – заявил В. Путин во время своего визита в США в ноябре 2001 года. То есть президент России недвусмысленно дал понять, что Россия не только не считает больше НАТО враждебной или противостоящей России организацией, но отныне рассматривает ее скорее как дружественную организацию. И речь уже идет не о том, надо или не надо сотрудничать с НАТО, а о формах и методах, о направлениях и глубине такого сотрудничества.

Несколько слов по поводу конкретных механизмов сотрудничества. Можно согласиться с Т. Блэром, что Совместный постоянный совет Россия – НАТО не отвечает нынешнему уровню сотрудничества и взаимодействия. СПС с самого своего образования в 1997 году был задуман как ширма, позволившая оправдать прием в НАТО трех новых членов

(якобы при согласии России) и создававшая видимость совместных с Россией действий в той же Югославии, что в конечном итоге – менее чем через два года после образования СПС – привело к войне НАТО в Югославии весной 1999 года.

Предложение премьер-министра Великобритании Тони Блэра (создание Совета НАТО – Россия в формате «20») в России расценили как шаг вперед на пути признания важной и конструктивной роли России в меняющемся мире. И в целом как искреннее намерение пересмотреть политические отношения между Североатлантическим союзом и Россией, поднять их на более высокую ступень. В этом смысле такое предложение можно только приветствовать.

Но важно не повторить ошибок 1997 года и вновь не превратить Россию в своего рода «свадебного генерала» за столом НАТО. Т. е. важные решения будут приниматься кулуарно, в кругу НАТО, и всё, что потребуется от России, – дать свое согласие на уже сформулированные выводы и решения по тем или иным проблемным вопросам. В таком случае новый орган будет фактически тем же СПС. Но в этом новом органе Россия, по-прежнему лишенная реальных прав, будет связана более жесткими корпоративными обязательствами.

Поэтому не столько важна форма сотрудничества России с НАТО, сколько юридически закрепленные на международном уровне обязательства, права и обязанности сторон. Причем Москва должна иметь право решающего голоса на принимаемые НАТО решения, затрагивающие национальные интересы России. Т. е. для таких случаев должно быть предусмотрено правило консенсуса.

Своего рода пробным камнем должен явиться вопрос о приеме в НАТО прибалтийских стран. Если НАТО учтет озабоченности России в этом вопросе (по крайней мере, отложит на время его решение), это будет свидетельствовать об искренности стремлений альянса строить новые отношения. Если же нет – это явится подтверждением намерений блока использовать потенциал России в собственных интересах, держать её на коротком поводке.

Сотрудничество с НАТО, даже расширенное, на новых принципах и на новом уровне, – вопрос, безусловно, очень важный. Но еще более важным является вопрос концептуального характера – какая модель коллективной безопасности нужна Европе XXI века.

По существу сегодня речь идет о крутом повороте в подходах к модели коллективной общеевропейской безопасности. Модели, выходящей за рамки Европы, – евразийской, если хотите. До сих пор Россия настаивала на модели, основу которой составляла бы ОБСЕ. Надо, как представляется, четко осознавать: согласие с предложениями Блэра будет фактически означать одновременно и согласие с натоцентристской моделью коллективной общеевропейской безопасности. Это не просто новая форма двусторонних отношений Россия – НАТО, но и новые принципы построения всей создававшейся годами архитектуры безопасности Европы XXI века.

Исходя из этого, необходимо четко уяснить: каковы долговременные последствия перехода к такой модели для национальной и коллективной безопасности? Совпадают ли интересы России и НАТО в этой модели, а если расходятся, то в чем? Не уготована ли России в этой модели роль лишь передового отряда обороны или своего рода «противотанкового рва» на пути распространения угрозы международного терроризма, надвигающейся на Европу, и не более того? Не обернется ли борьба с международным терроризмом противостоянием христианского мира и ислама? Такая опасность, несмотря на стремление президентов России и США, других лидеров Запада избежать подобного развития событий, сегодня существует. А противостояние с исламским миром, да еще на его передовых рубежах, будет для России смертельно опасным.

Возникают и другие вопросы, относящиеся непосредственно к НАТО. Готов ли альянс реконструироваться сам с учетом требований времени или намерен и впредь оставаться односторонне ориентированным в вопросах безопасности союзом, который беспокоят лишь вызовы собственной безопасности и безопасности его членов? Готов ли альянс к таким глубоким преобразованиям, которые, безусловно, потребуются от него как от главного несущего элемента общеевропейской безопасности? Наконец, готовы ли его ведущие страны к учету интересов России по более широкому кругу вопросов – например, внешнего долга СССР и другим политическим и экономическим проблемам?

Ответы на эти вопросы пока видятся неоднозначными. Существенных реальных шагов о готовности альянса к адаптации к новым политическим реалиям (если не считать таковыми многочисленными заявлениями руководства НАТО о сотруд-

ничестве), пока не наблюдается. Один из примеров тому – заявление президента США о выходе из Договора по ПРО 1972 года, подтвердившее склонность самого могущественного члена Североатлантического альянса к односторонним решениям. Поэтому для данного этапа России было бы целесообразно, на наш взгляд, придерживаться принципа «осмотрительного сотрудничества» с НАТО, что предполагает, с одной стороны, готовность к самому широкому взаимодействию с альянсом в вопросах, затрагивающих интересы обеих сторон, а с другой – отказ от поспешной и пока, по-видимому, не вполне оправданной эйфории по поводу готовности НАТО допустить Россию к механизмам принятия политических решений и приоритетный учет собственных интересов безопасности при принятии любых решений, касающихся сотрудничества с НАТО или изменения нашей позиции в отношении модели общеевропейской безопасности.

VI

Заметным фактором общеевропейской политики являются двусторонние российско-польские отношения.

В течение целого ряда лет после распада Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи польские руководители осуществляли целенаправленную политику дистанцирования от Москвы при одновременной опоре на три «западных кита»: членство в НАТО, интеграция с ЕС и энергетическая независимость от России. Такая политика не принесла пользы ни Варшаве (в первую очередь), ни Москве. Прежде всего это сказалось на экономической сфере. По итогам 2000 года товарооборот между Российской Федерацией и Польшей достиг \$5,5 млрд. (из них на \$4 млрд. Россия поставляла энергоносителей), но при этом Польша сократила свой экспорт в Россию, в результате чего отрицательное сальдо для нее достигло почти \$3 млрд. Нанесли ущерб польской экономике и такие непродуманные меры прежнего правительства Ежи Бузека, как, например, введение антидемпинговых ограничений на некоторую российскую продукцию, в частности, на сталь, или планы по ограничению поставок российского газа с целью освободить место для западных поставщиков.

В такой политике наглядно проявилась инерционность мышления правительства Бузека, не сумевшего правильно оценить те значительные перемены, которые происходят в

российской экономической и политической жизни. Заметно мешали развитию двусторонних отношений и идеологические предрассудки, стремление прежнего польского правительства привносить в решение даже сугубо экономических вопросов с российской стороны политический акцент. Думается, такая политика была невыгодна прежде всего самой Польше, так как превращала её фактически в санитарный кордон между Западной Европой и Россией.

К выгоде обеих стран сегодня ситуация, кажется, меняется в лучшую сторону. В этом заслуга как президента Польши А. Квасьневского, так и нового польского правительства Лешека Миллера. Польша, безусловно, нуждается в российских рынках и энергоносителях. К тому же переговоры об интеграции Польши с Евросоюзом идут далеко не гладко. В этих условиях здоровый прагматизм в польской политике одерживает верх. Польское руководство, похоже, искренне стремится проводить активную восточную политику, разумно сочетая ее с курсом на интеграцию с Объединенной Европой. Многие в этом отношении дали визиты президента Квасьневского и премьера Миллера в Москву. А состоявшийся в январе 2002 года официальный визит президента В. Путина в Варшаву дал дополнительный импульс взаимовыгодному сотрудничеству как в экономике, так и в сфере политики и безопасности.